

СЕССИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ ИТОГАМ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТ В 1973 ГОДУ

С 2 по 4 апреля 1974 г. в Москве проходила сессия, посвященная итогам этнографических и антропологических работ в 1973 г. Сессия была организована Отделением истории АН СССР и Институтом этнографии АН СССР.

Сессия открылась вступительным словом академика-секретаря Отделения истории АН СССР Б. А. Рыбакова. Впервые, в отличие от всех предшествующих, в сессии 1973 г. не приняли участие археологи.

На сессии Отделения истории АН СССР были заслушаны доклады Б. А. Рыбакова, Ю. В. Бромлея и Ю. В. Арутюняна.

Доклад Б. А. Рыбакова (Москва) «Макрокосм в микрокосме народного искусства» был посвящен, во-первых, воссозданию эволюции картины мира от первобытности до средневековья, во-вторых, отражению этого макрокосма в искусстве и быту. Докладчик подчеркнул большую научную ценность семантического анализа этнографических и фольклорных материалов. Анализ археологических данных позволяет указать точное время и стадию развития общества на каждом этапе космогонических воззрений. Примерно в мезолите появилось представление о двух ярусах мира — небесном (небесные олени) и земном. Земледельцы энеолита подразделили небесный ярус, выделив «верхнее небо» с запасами дождевой воды. В бронзовом веке возникла трехчленная картина мира: небо, земля и подземный мир, картина, сохранившаяся в народных представлениях до XVIII—XIX вв.

Этнография восточных славян, по мнению докладчика, сохраняет нам фрагменты всех стадий представлений о макрокосме: гуцульские писанки с двумя небесными оленями восходят к охотникам каменного века, а представление о пути солнца по небу и по подземному океану отражено во множестве сюжетов народного искусства. Наиболее полным отражением общей картины мира в бытовом микрокосме являются прялки, с которыми связан целый ряд представлений о жизни: «нить жизни», «судьба-пряжа». Прялки, как правило, содержат комплекс солярных знаков, изображающих суточный круговорот солнца. Средняя часть плоскости прялки отведена нередко бытовым сюжетам: это жизнь людей, земля, вокруг которой движется солнце. Докладчик считает, что семантика народного искусства — важный раздел науки, позволяющий восстановить развитие представлений о мироздании и заглянуть в «философию первобытности».

В докладе Ю. В. Бромлея (Москва) «Основные направления этнографических исследований в АН СССР в послевоенные годы» были рассмотрены основные аспекты историко-этнографических исследований, активно развернувшихся в АН СССР в послевоенные годы. Автор начал доклад с истории создания Института этнографии, рассказал о развертывании Институтом экспедиционных работ, о подготовке научных кадров, координации научной деятельности в масштабах страны, об огромном значении для развития этнографической науки создания в первые послевоенные десятилетия многотомной серии «Народы мира». После этого Ю. В. Бромлей остановился на главных направлениях этнографических исследований: этнической истории народов, их этногенезе; историко-монографических исследованиях по отдельным народам; изучении

различных компонентов традиционной культуры, одной из важнейших форм фиксации которых являются историко-этнографические атласы; изучении народного художественного творчества, религии, нравов, обычаев, обрядов; этнолингвистических исследованиях; разработке проблем первобытной истории.

Особое внимание в докладе было уделено проблеме изучения современных этнических и культурно-бытовых процессов, в разработке которой должны принять активное участие этнодемографы, этносоциологи и этнопсихологи. В заключение Ю. В. Бромлей отметил как положительное явление расширение в послевоенные годы международных связей советских этнографов, участие их в международных конгрессах антропологов и этнографов и рост международного престижа советской этнографии.

В докладе Ю. В. Арутюняна (Москва) «Исследование процессов социально-культурного развития и сближения наций в СССР» подводились некоторые итоги широкого этносоциологического исследования, проводимого сектором конкретных социальных исследований Института этнографии АН СССР. Цель его — вскрыть закономерности социально-культурного развития советских наций, выявить сходство и специфику в этнических процессах, происходящих под влиянием научно-технической революции у народов СССР. Докладчик отметил, что в осуществлении исследования выделяются два основных этапа: 1) проведение локального исследования в Татарии, итоги которого обобщены в монографии «Социальное и национальное. Опыт этносоциологического исследования»; 2) сбор и обработка материалов по единой программе и методике, осуществляемые по всему Союзу (по некоторым регионам — РСФСР, Грузия, Молдавия — эта работа уже завершена). Полученные результаты позволяют решить ряд новых теоретических и практических проблем.

На первом заседании Ученого совета 2 апреля было заслушано 5 докладов. В двух из них рассматривались проблемы этногенеза. Это доклады В. К. Бондарчика и Л. И. Лаврова.

Значительная часть доклада В. К. Бондарчика (Минск) «К проблеме этногенеза белорусов» была посвящена критике теории «балтского субстрата», выдвинутой в последние годы В. В. Седовым. Докладчик подчеркнул, что преувеличение этнокультурных связей славян и балтского этноса, возведение этих связей в ранг субстрата привели В. В. Седова к ошибочным выводам о значительной роли «балтского субстрата» в формировании белорусского народа. По мнению докладчика, В. В. Седов недоучитывает славянское этнокультурное влияние на литовский народ. А о нем свидетельствует хотя бы тот факт, что на первых этапах своего исторического существования Великое княжество Литовское в качестве официального языка пользовалось древнерусским или старобелорусским языком. Формирование белорусского народа, подчеркивалось далее в докладе, происходило не в результате простого слияния племен, а на основе уже существовавшей древнерусской народности. Культура и язык белорусов сохранили многие древнерусские и даже общеславянские элементы, а сходство некоторых этнолингвистических особенностей литовцев и славян восходит к периоду балто-славянского языкового единства.

Л. И. Лавров (Ленинград) в своем докладе рассматривал проблему этногенеза горских народов Кавказа преимущественно в методическом плане. Именно в ошибках методического характера, по мнению автора, кроются главные причины слабой изученности проблемы происхождения кавказских горцев. К такого рода ошибкам докладчик относит, в частности, подмену палеоантропологических материалов данными антропологических наблюдений над современным населением, отсутствие прочной основы для этнической характеристики археологических памятников, использование в качестве исторического источника поздно возникших этнографических явлений и фольклорных произведений, поспешное отнесение непонятных языковых явлений к субстрату и, наконец, произвольное толкование письменных документов. В качестве второй, столь же существенной причины недостаточной изученности проблемы этногенеза горских народов Л. И. Лавров указал на недостаток необходимых для исследования источников.

В докладе намечены конкретные пути, по которым, по мысли автора, должны вести этногенетические исследования горских народов Кавказа. Для Дагестана это, в частности, расширение круга сравнительно-лингвистических исследований и создание

серии историко-этнографических монографий; для чеченцев и ингушей это исследование этнокультурных связей с Тушетией и даже Урарту; для адыгов — пересмотр давно утвердившейся в исторической науке точки зрения о происхождении адыгов от меотов. Касаясь проблемы этногенеза осетин, Л. И. Лавров отмечает необходимость дальнейшего исследования в этногенезе осетин роли кавказского компонента, вторичные явления которого ошибочно воспринимаются исследователями как изначальные.

Н. В. Кочешков (Владивосток) зачитал доклад «Декоративное искусство кочевников Евразии как исторический источник (на примере монголоязычных народов XIII — середины XX в.). Постановка проблемы и методика исследования». Материалы доклада позволяют говорить о связях декоративного искусства монголов с искусством народов Сибири, Средней Азии и Юго-Восточной Азии.

В докладе И. М. Золотаревой (Москва) «Антропологическая дифференциация народов Средней Сибири и Центральной Азии (по материалам исследований в Сибири и Монголии)» на обширном антропологическом материале (автор провела исследование около 60 групп различной этнической и территориальной принадлежности) был показан распад центральноазиатской расы на несколько субвариантов, приуроченных к разным этносам и ареалам, а также существование на севере Сибири древних реликтовых антропологических комплексов, связываемых прежде всего с нгасанами и юкагирами.

В расогенетическом отношении заслуживает внимания положение автора о том, что байкальская (палеосибирская) раса и центральноазиатская хронологически весьма различны, генезис их проходил неодновременно и центральноазиатскую группу вариантов следует считать более поздним расовым комплексом по сравнению с байкальской расой.

Доклад Д. Д. Тумаркина (Москва) «Хозяйство и материальная культура населения атолла Фунафути» был основан на полевых материалах, собранных во время экспедиции на научно-исследовательском судне АН СССР «Дмитрий Менделеев» и сопровождался показом цветных диапозитивов. Автор охарактеризовал основные занятия современных фунафутийцев, их жилище, пищу и одежду, показал соотношение натурального и мелкотоварного укладов в местной экономике. В связи с прогрессирующим распадом традиционной общинной организации перед жителями этого атолла, как и многих других островов Океании, остро стоит вопрос о путях дальнейшего социально-экономического развития.

На втором заседании Ученого совета 4 апреля было заслушано пять докладов.

В докладе Р. Ф. Итса и И. У. Самбу (Ленинград) «Исследование этносоциальных изменений в связи с перемещениями коренного населения в рамках крупномасштабных строек СССР» был поднят вопрос о необходимости проведения широких этносоциальных исследований в тех районах СССР, население которых будет переселено в связи с осуществлением различных крупномасштабных строек. В новых поселениях, где будут нарушены традиционная культура и быт, произойдут существенные этносоциальные перемены, последующее изучение которых позволит прогнозировать результаты сдвигов в этническом и социальном аспектах при сходных будущих перемещениях населения в других районах страны.

В докладе Ю. Г. Гошко и Р. Кирчива (Львов) «Некоторые вопросы современного этнографического исследования украинского населения Карпат» были рассмотрены три взаимосвязанные проблемы историко-этнографического изучения украинского населения Карпат. Первая — необходимость более глубокого исследования этнографических групп, населяющих северные склоны Карпат. Вторая — правомерность отдельного изучения материальной и духовной культуры населения Закарпатского высокогорья и смежного с ним украинского населения северных склонов Карпат. Докладчики отметили, что в прошлом такая практика была обусловлена принадлежностью галицийских и закарпатских украинцев к различным государственным образованиям. Но и тогда прогрессивные ученые, исходя из конкретных исследований, указывали на этническую общность закарпатских украинцев и всего украинского народа.

Третья проблема — освещение некоторых аспектов этногенеза населения украинских Карпат. В докладе отмечалось, что при изучении проблем так называемой валашской колонизации и восточнороманского влияния на культуру и быт украинского населения Карпат, занимающегося скотоводством, необходимо учитывать данные целого комплекса исторических наук — археологии, истории, этнографии, лингвистики.

В докладе Г. Л. Хитъ (Москва) «Расовая дифференциация населения СССР (соматологический и дерматоглифический аспекты)» были подведены основные итоги интенсивного изучения кожного рельефа ладоней у народов СССР за последние 10 лет. Данные дерматоглифики рассмотрены в соответствии с расовым составом населения страны. Автор выявил ряд закономерностей, свидетельствующих о далеко зашедшей дивергенции двух основных расовых стволов, фиксируемой кожным рельефом. Население Средней Азии, в целом тяготея более к населению Европы и Кавказа, обнаруживает также особенности, связанные с отчетливым проявлением монголоидного компонента. Внутри крупных систематических подразделений отмечаются морфологические группировки, являющиеся непосредственным отражением имевших здесь место исторических процессов.

Сообщение В. И. Наулко (Киев) «Этнографические экспозиции в музеях США», сопровождавшееся показом диапозитивов, информировало участников сессии о работе Музея природы и истории в Чикаго.

В докладе заместителя директора Лейпцигского музея этнографии В. Гартвига были обобщены результаты трех этнографических экспедиций к индейцам Перу. Автор рассказал об индейских сельских общинах, их социально-экономическом развитии, коснулся ряда проблем, в частности, развития школьного образования у индейцев. Доклад был иллюстрирован цветными диапозитивами.

В заключительном слове Ю. В. Бромлей, подводившем итоги сессии, был вновь затронут вопрос о задачах современной отечественной этнографии. Этнос во всех его проявлениях — вот объект исследования этнографии, подчеркнул Ю. В. Бромлей, и пока существуют народы, этнография будет функционировать как полноправная наука. Что касается предметной стороны исследования, то современная этнография изучает прежде всего традиционные явления, которые в наши дни довольно быстро исчезают. Такое исчезновение традиционного не означает, однако, исчезновения всякого своеобразия, специфики этноса. В наше время эта специфика перемещается из сферы материальной в сферу духовной культуры. Кроме того, современная этнография исследует этнические явления в их современных проявлениях.

Помимо пленарных заседаний ученые работали в восьми секциях. Пять из них были региональными, три — тематическими. В докладах на секциях были отражены направления полевых исследований этнографов, фольклористов, искусствоведов и антропологов союзных и республиканских учреждений.

На двух заседаниях секции «Этнография восточнославянских народов» присутствовало 30 человек, было заслушано 8 докладов. Большая часть из них была посвящена вопросам материальной культуры. В. А. Липинская (Москва) в докладе «Типы застройки усадьбы русского населения Западной Сибири» выделила три основных типа усадьбы (с вариантами) данной локальной группы русского народа, существование которых автор связывает с различиями в составе населения, в хозяйственной деятельности и в природных условиях края. В докладе О. Р. Будины (Москва) «Жилище в Приазовском районе Запорожской области УССР (по материалам экспедиции 1973 года)» было рассмотрено жилище неоднородного в этническом отношении населения этого района и отмечены черты как общие для жилища всех селений района (характер строительного материала, строительная техника, конструкция жилого дома), так и свойственные жилищу отдельных этнических групп (планировка дома, его интерьер, устройство отопительной системы). Об основных типах отопительных сооружений в жилищах X—XIV вв. на территории Молдавии рассказал И. Г. Хынку (Кишинев). Принципам этнографической классификации народных пахотных орудий на примере материалов Украины был посвящен доклад В. Ф. Горленко (Киев). В докладе В. В. Миронова (Киев) говорилось о развитии традиционных элементов народного костюма украинцев Полесья в современной одежде.

Два доклада были посвящены проблемам брака и семьи. Е. П. Бусыгин и Н. Н. Зорин (Казань) в докладе «Традиционная свадьба у русского населения Татарской АССР» рассказали об анкетном методе изучения свадьбы, дающем возможность, с одной стороны, выявить локальные особенности свадебного комплекса, а с другой — получить количественные показатели о степени сохранности различных его элементов, а также судить об изменении свадебной обрядности за советский период. Материалы обследования дают возможность установить зависимость степени сохранности

элементов традиционной свадьбы от социальной принадлежности, уровня образования и квалификации брачащихся. О конкретно-социологическом исследовании семьи говорилось в докладе Э. Р. Соболенко (Минск) «Структура современной сельской семьи (по материалам Белорусской ССР)».

Доклад «Украинское население в Молдавии в XIX — начале XX в.» прочитал В. С. Зеленчук (Кишинев). Автор подчеркнул, что длительные этнокультурные контакты между молдаванами и украинцами обусловили взаимовлияния в культуре этих народов.

В работе секции «Этнография народов Прибалтики, Поволжья и Европейского Севера» участвовало 28 человек. На трех заседаниях было заслушано 10 докладов по различной проблематике. Два из них были посвящены исследованию современных этнолингвистических процессов. Доклад Н. С. Шалаяева (Саранск) «К вопросу о двуязычии мордвы» был построен на материалах переписей 1926, 1959 и 1970 гг. Р. А. Григорьева (Москва) в докладе «Сельское белорусское население Латгалии (характеристика языковой ситуации)» на основе обобщения результатов этносоциологического обследования рассмотрела вопрос о функциональной роли родного (белорусского) языка в жизни этой части белорусского этноса.

В трех докладах были отражены вопросы, касающиеся современной семьи: И. Н. Смирнова (Казань) — «Структура современной марийской сельской семьи» (доклад основан на материалах посемейного анкетного обследования), В. Д. Шарова (Йошкар-Ола) — «Межнациональные браки и семьи в сельских районах Марийской АССР» и В. Калитс (Тарту) — «Современный эстонский свадебный обряд».

Проблемы этнической истории народов рассматривались в докладах Г. О. Авляева (Элиста) «Опыт анализа этнического состава калмыцкого населения Астраханской губернии на рубеже XIX—XX вв.» и Т. В. Лукьянченко (Москва) «Полевые исследования в Мезенском районе Архангельской области». В ее докладе дана характеристика своеобразной группы европейских ненцев и высказаны некоторые соображения об их происхождении.

Изучению материальной культуры были посвящены доклады А. Г. Симонова (Йошкар-Ола) «Особенности развития кучевого плана сельских населенных пунктов народов Среднего Поволжья», в котором автор использовал обширный картографический и полевой материал, и И. И. Демидовой (Чебоксары) «К вопросу о влиянии русской культуры на материальную культуру чувашей в период капитализма (1861—1917 гг.)».

В докладе Р. Г. Мухамедовой (Казань) был дан исторический обзор этнографического изучения татарского народа. Особое внимание было уделено исследованиям, проведенным в республике за годы советской власти. Автор подчеркнула, что одна из важных проблем татарской этнографии на современном этапе — изучение современных этнических процессов и создание научной базы для историко-этнографического атласа.

В работе секции «Народы Средней Азии и Казахстана» принимало участие около 30 человек. Было заслушано 17 докладов, в которых рассматривались вопросы этнической истории, общественного строя, материальной культуры, верований, обрядов и народных праздников. В докладах Н. Н. Ершова, Ф. Д. Люшкевич и Б. Х. Кармышевой, посвященных этнической истории, были широко использованы этнографические данные для исследования проблем этногенеза и этнокультурных связей народов Средней Азии и Казахстана. Доклады эти были заслушаны на первом заседании секции.

Н. Н. Ершов (Душанбе) в докладе «К вопросу о сложении населения Каратага» подчеркнул, что, по данным материальной культуры, обследованное им население Каратага в основном тяготеет к таджикам Самарканда и гораздо меньше — к таджикам юго-восточных районов республики. Этот вывод подтверждается и лингвистическими материалами.

Доклад Б. Х. Кармышевой (Москва) «Типы прядения и ткачества у народов Средней Азии» представляет собой первую попытку обобщения данных по прядению и ткачеству у народов Средней Азии и Казахстана. В распространении типов прядения и ткачества в пределах этих регионов автором выявлена определенная закономерность, обусловленная происхождением и историей формирования культуры каждого из народов и отдельных этнографических групп. Постановка этого доклада важна не только

с точки зрения разработки проблемы хозяйственно-культурных типов Средней Азии и Казахстана, но и вопросов этногенеза народов этой территории.

В докладе Ф. Д. Люшкевича (Ленинград) говорилось о некоторых особенностях этнического развития смешанного таджикско-узбекского населения Бухарской и Кашкадарьинской областей УзССР. Доклад был основан на полевых материалах автора.

В. П. Курылев (Ленинград) в докладе «К вопросу об общинных отношениях у казахов Восточного Казахстана (вторая половина XIX — начало XX в.)» рассказал об экспедиции 1973 г. в южные районы Восточно-Казахстанской области Казахской ССР. Полученные данные убедительно свидетельствуют о значительном влиянии на характер общинных отношений способов ведения хозяйства.

Доклад Н. В. Кочешкова (Владивосток), заслушанный на этом же заседании, был посвящен народно-декоративному искусству агинских бурят.

На втором заседании секции в основном были заслушаны доклады по вопросам хозяйства и материальной культуры. Это коллективный доклад Х. А. Аргынбаева, Х. А. Кауановой, Р. Д. Ходжаевой (Алма-Ата) «Направление и длина кочевых путей в Казахстане (конец XIX — начало XX в.)», доклады Т. Н. Смешко (Москва) «Ткани в одежде туркмен в конце XIX — начале XX в.», А. Н. Пиркулиевой (Ашхабад) «Женские головные уборы у туркмен Средней Амударьи в конце XIX — начале XX в.» и др.

Н. П. Лобачева (Москва) в докладе «Формы скотоводческого хозяйства у населения Ферганской долины (в пределах УзССР) к началу XX в.» выделяет несколько форм скотоводческого хозяйства, различающихся в зависимости от этнографической среды: стойлово-выгонное оседлое, пастбищное оседлое, отгонно-пастбищное оседлое, отгонно-пастбищное полуоседлое (полукочевое), горно-пастбищное кочевое или полукочевое.

В докладе Л. Ф. Моногаровой (Москва) «Этнографические особенности в молочном хозяйстве припамирских народностей в XIX—XX вв.» были приведены новые этнографические данные о местных традиционных способах сбивания масла, о типах маслоек (деревянные и глиняные), способах хранения масла, о существовании женских артелей по изготовлению молочных продуктов и т. п. М. Хамиджанова (Душанбе) рассказала о молочном хозяйстве ягнобцев.

Третье заседание секции включало преимущественно доклады, характеризующие духовную культуру народов Средней Азии и Казахстана. В докладе А. Джикиева (Ашхабад) «Этнографические данные о туркменском празднике „новруз“» было дано описание этого праздника у различных групп туркмен Южного Туркменистана (занимавшихся в основном земледелием) и туркмен-текинцев, салыров, сарыков (у которых в зависимости от их занятий различался скотоводческий и земледельческий новруз).

Т. Ж. Атамуратов (Москва) выступил с докладом «Изучение семейно-бытовых традиций городского населения Каракалпакии». Автор доложил предварительные итоги этносоциологических исследований, проведенных им в 1973 — начале 1974 г. в городах Каракалпакии. Полученные материалы в основном характеризуют родильные, свадебные и похоронно-поминальные обряды. Менее всего, как подчеркнул Т. Ж. Атамуратов, традиционность сохраняется в родильных обрядах. Существенно изменилась за последние годы и свадебная обрядность. Так, полностью исчезла религиозная форма заключения брака — «неке». Изменения в похоронных и поминальных обрядах, устойчиво сохраняющих многие архаические черты, менее значительны.

Эта же мысль об устойчивости похоронных обрядов и сохранении в них многих архаических элементов была высказана в докладе А. Мардоновой (Душанбе) «Некоторые запреты в похоронных обрядах таджиков Файзабада».

Донсламским верованиям были посвящены доклады О. Муродова (Душанбе) «Представления об аджине у таджиков (по материалам долины Зеравшана)» и О. В. Обельченко (Москва) «О культе камня в древнем Согде (по материалам могильников)». Доклад И. Мухиддинова (Душанбе) был посвящен традиционной ирригации и земледелию в Южном Таджикистане в конце XIX — начале XX в. (по материалам Вахшской, Гиссарской и Нижнекафирниганской долин).

В работе секции этнографии Кавказа участвовало 38 человек. На трех заседаниях секции было заслушано 15 докладов, осветивших широкий круг вопросов. Это — этно-

социологические исследования традиционного и нового, изучение этнической истории, общественных форм, материальной культуры, религиозных верований.

Работа секции началась докладом В. К. Гарданова (Москва) «Этносоциологические исследования культуры и быта народов Кавказа». В 1972 г. сектором народов Кавказа Института этнографии АН СССР совместно с Кабардино-Балкарским и Северо-Осетинским НИИ было начато сложное исследование по проблеме «Новое и традиционное в культуре народов Кавказа». Эта проблема, подчеркнул докладчик, в той или иной степени и прежде находила отражение в кавказоведческой этнографической литературе. Однако исследование, начатое на Северном Кавказе, представляется принципиально новым прежде всего с методической точки зрения. Это первое массовое этнографическое обследование сельского населения, основным инструментарием которого был этносоциологический вопросник.

Этнической истории народов Кавказа были посвящены доклады Г. В. Цулая (Москва), А. В. Гадло (Ленинград), Ш. Д. Инал-ипа (Сухуми). Цулая в докладе «Обезы» по русским источникам» привел некоторые ранее неизвестные материалы, подтверждающие уже существующую в исторической литературе точку зрения на «обезов» русских источников XI—XII вв., как грузин.

Доклад А. В. Гадло «Новые материалы к этнической истории Центрального Предкавказья» отражал добытые им совместно с другими археологами (путем сплошного обследования) сведения о поселениях на территории между реками Егорлык, Кумой и правобережьем Кубани. Хронологически докладчик относит эти поселения к VII—VIII и первой половине X в. и считает возможным связывать их не с аланами, а с болгарами.

Проблема этнокультурных связей Западного Кавказа и Малой Азии получила отражение в докладе Ш. Д. Инал-ипа. Такого рода связи прослеживались докладчиком на примере термина «уашхо», известного среди адыгов, убыхов, абхазов и дигорцев в значении «бог», «клятва» и распространенного не только на Кавказе, но и в Малой Азии среди протохеттов, что зафиксировано в надписях XV в. до н. э.

А. И. Робакидзе (Тбилиси) в докладе «К вопросу о значении термина „варг“ в сванском языке» дал анализ этого термина, зафиксированного в грузинских письменных источниках XI—XII вв. и означавшего промежуточную социальную прослойку между дворянами и крестьянами.

Тема религиозных верований получила отражение в докладах А. А. Одабашьян (Ереван) «Ареал распространения ритуальных огней, связанных с народными праздниками у армян» и И. М. Шаманова (Черкесск) «Реликты древнетюркского верховного божества в этнографической действительности карачаевцев». А. А. Одабашьян впервые на основе собранных ею литературных и полевых материалов сделала попытку картографирования ритуальных огней у армян. В докладе И. М. Шаманова были приведены новые этнографические данные о божестве Тейри, известном у карачаевцев и балкарцев. Как показали выступления по докладу, это же древнее божество в форме Тенгри известно у кумыков и населения северо-западного Азербайджана (Тангри).

Т. Бунятов (Баку) познакомил секцию с итогами этнографических работ в Азербайджане в 1973 г.

Проблемам материальной культуры народов Кавказа были посвящены доклады Э. Т. Карапетян (Ереван) «Основные типы мужских головных уборов у армян», В. Х. Тменов (Орджоникидзе) «Некоторые итоги изучения позднесредневековых историко-архитектурных памятников Восточной Осетии», Р. О. Варданяна (Ереван) «Газ (ханский аршин) как основная единица меры длины в Закавказье». Доклад С. И. Бахиа (Тбилиси) был посвящен структуре патронимической организации у абхазов. М. А. Меретуков (Майкоп) зачитал доклад «Свадебный обряд ввода невесты в „большой дом“».

Доклад Ю. И. Мкртумяна (Ереван) «Традиционные скотопробойные маршруты Армении и историко-культурное значение их изучения» был посвящен этнографической проблеме взаимовлияния культур различных этносов. Изучение скотопробойных маршрутов, как отметил докладчик, важно и необходимо не только с точки зрения изучения хозяйственного быта того или иного народа, но и в плане исследования разнообразных этнических контактов. На этих маршрутах на протяжении длительного времени между народами, районами, селениями складывались и развивались многообраз-

ные взаимоотношения, в результате которых нередко возникали новые формы в хозяйстве, материальной культуре, языке (например, скотоводческая терминология).

В работе секции «Этнография Севера и Сибири» приняло участие около 40 человек. На трех заседаниях секции было заслушано 18 докладов.

Первым на секции был заслушан доклад В. И. Васильева (Москва) «Генезис дуальной организации сибирских ненцев и ее дальнейшая эволюция». Этнографические и исторические материалы, собранные в последние годы, дали возможность докладчику по-новому рассмотреть вопрос о происхождении фратриальной организации у ненцев. Как отмечалось в докладе, дуально-фратриальная организация сибирских ненцев сложилась в процессе их исторического формирования на основе взаимодействия южносамодийской экзогамной группы Кара (Харю) и аборигенов тундровой зоны Западной Сибири. Первые, оказавшись в отрыве от своих соплеменников, стали заключать браки с местными жителями, видимо, немногочисленными и поэтому вскоре ассимилированными пришлыми самодийцами.

Доклад М. Я. Жорницкой (Москва) «Народное хореографическое искусство береговых чукчей и эскимосов (по экспедиционным материалам 1973 г.)» был посвящен мало исследованной в этнографии области народного искусства. В настоящее время, судя по собиравшимся в 1971—1973 гг. материалам, танцевальное искусство народов Крайнего Северо-Востока сохраняет древнюю первооснову. Все танцы этих народов относятся к типу подражательных и могут быть разделены на игровые и обрядовые. Последние к настоящему времени сохранились только фрагментарно. Сюжетную канву обрядовых танцев в основном составляют рассказы об охоте на морского и пушного зверя. Записан также танец добывания огня, в котором участвовали только женщины. Игровые танцы, исполнявшиеся в любое время и по любому поводу, «для веселья», включают вольные импровизации и танцы со строго зафиксированным рисунком.

К докладу М. Я. Жорницкой тематически близок доклад И. А. Бродского (Москва) «К изучению юкагирской музыкальной культуры», познакомивший участников заседания с материалами, полученными во время работы Байкальско-Колымской музыкально-этнологической экспедиции Союза композиторов СССР, состоявшейся в 1973 г. Докладчик отметил, что подобное обследование, предпринятое впервые, дает представление о характере и жанрах юкагирской музыки, музыкальных инструментах юкагиров.

На втором заседании выступил также В. А. Никонов (Москва), рассказавший о вопроснике по сбору личных имен у народов Севера и Дальнего Востока, составленном И. С. Гурвичем, Б. О. Долгих, Т. В. Долгих и В. А. Никоновым, а также о развертываемой Институтом этнографии АН СССР работе, связанной с изучением личных имен.

Р. Д. Бадмаева (Улан-Удэ) сделала доклад на тему «О связи женских свадебных украшений с культом огня у бурят».

На втором заседании секции В. П. Дьяконова (Ленинград) выступила с докладом «Поездка к теленгитам Кош-Агачского района Горно-Алтайской автономной области (по материалам 1973 г.)». Эта этнографическая группа алтайцев до сих пор не была предметом специального этнографического изучения. Между тем, как показала рекогносцировочная поездка, обследование теленгитов необходимо с точки зрения фиксации сохранившихся у них до настоящего времени многих черт традиционной культуры. Так, у лиц старшего поколения полностью сохраняется комплект традиционной мужской и женской верхней одежды. Не исчезли из быта некоторые предметы шаманских культов. Отдельные традиционные элементы сохраняются в семейно-брачных отношениях и в хозяйственной деятельности теленгитов.

В докладе В. А. Туголукова (Москва) «Прошлое и настоящее чуванцев» рассматривалась история формирования этой этнографической группы, которую русские в XVII в. называли юкагирами. Вследствие ассимиляции этой группы русскими старожилами, а также чукчами и коряками к середине XIX в. образовались две группы чуванцев: оседлая, говорящая по-русски, и кочевая, говорящая теперь по-чукотски. В настоящее время этноним чуванцы сохраняется в качестве самоназвания у обеих групп, но в официальной статистике он уже не употребляется. В переписи 1970 г. оседлые и кочевые чуванцы соответственно учтены в составе русского и чукотского населения Анадырского района Чукотского национального округа.

Ч. М. Таксами (Ленинград) в докладе «Собаководство как ранняя форма хозяйства нивхов» познакомил участников заседания с новыми материалами о роли собаководства в жизни нивхов, а также привел сведения письменных источников о древних корнях нивхского собаководства.

На вечернем заседании были зачитаны также доклады А. В. Смоляк (Москва) «Новые материалы по религиозным верованиям нанайцев и ульчей», Н. В. Лукиной (Томск) «Об особенностях культуры восточных хантов» и Ю. А. Сема и Л. И. Сем (Владивосток) «Итоги фольклорных и этнографических исследований народов Дальнего Востока».

На третьем заседании участники секции заслушали семь докладов по различным вопросам исторической этнографии народов Севера и Сибири. В докладе З. П. Соколовой (Москва) «К изучению религиозных представлений у северных хантов», основанном на полевых данных, собранных автором в 1971—1973 гг. среди хантов рек Сыня и Куноват, приводились новые материалы о погребальных обрядах. Наиболее интересны сведения о куклах покойников — вместилищах душ умерших, которые свидетельствуют о том, что у хантов и манси существовали представления и обряды, связанные с культом предков, а также о соотношении антропоморфных изображений «вместилищ душ» с зооморфными изображениями.

В докладе Л. В. Хомич (Ленинград). «Культовые камни у ненцев и саамов» приведены новые материалы о почитании камней у названных народов. В докладе Г. Н. Грачевой (Ленинград) «Проявление возрастных категорий в погребальном обряде у нганасан» на основании этнографических данных сделана попытка реконструкции обрядов инициации, выполнявшихся при переходе из одной возрастной группы в другую.

Секцией были заслушаны также доклады Н. А. Томилова (Томск) «Пища башкирских татар», Р. К. Каменецкой (Ленинград) «Свадебный обряд у колымчан и индигирских» (Якутская АССР), Ю. А. Сема и В. В. Подмазкина «Маски удэгейцев». А. П. Хлобыстин (Ленинград) рассказал о новых археологических находках на Таймыре, которые позволили ему высказать предположение о путях заселения этого района самодийскими группами.

На двух заседаниях секции «Этносоциология» было прочитано восемь докладов. Доклад Ю. Б. Стракача (Новосибирск) «Этносоциология как метод познания этнических процессов современности», в котором был поднят вопрос о предмете этносоциологии и о ее связи с исторической этнографией, вызвал оживленную дискуссию по вопросу о соотношении этнографии и социологии. При обсуждении доклада Ю. В. Бромлей отметил разное понимание предмета этносоциологии в зарубежной и отечественной науке, а также указал на целесообразность выделения этносоциологических исследований, занимающих особое место в изучении современности. В. И. Козлов подчеркнул, что для определения специфики этих исследований необходимо обсудить особенности их методологии и методики. Этим вопросам были посвящены доклады Л. М. Дробизевой (Москва) «К вопросам методологии изучения межэтнических отношений» и М. Н. Губогло (Москва) «Вопросы методологии в исследовании этнолингвистических процессов».

В докладе Л. М. Дробизевой рассматривались методологические вопросы изучения межличностных национальных отношений. Она остановилась на значении этой темы для этнографов, выделила основные факторы макросреды и микросреды, влияющие на характер межэтнических отношений. Особое внимание докладчица уделила ситуации общения и изучению взаимодействия личности и общества в этнопсихологических исследованиях.

М. Н. Губогло отметил, что в исследовании современных этнолингвистических процессов «смещение акцентов с изучения языка на изучение употребления языка обязывает перенести в этнографию концепцию личности и концепцию общения».

А. В. Орлов (Киев) и В. И. Бойко (Новосибирск) в своих выступлениях рассказали о некоторых итогах и перспективах развития этносоциологических исследований, проводимых на Украине и в Сибири.

В двух докладах рассматривалась проблема расселения.

В. Н. Шамшуров (Москва) в докладе «Изучение социально-поселенческой структуры в этносоциологическом исследовании» рассказал о необходимости сочетания стати-

стического и социологического подходов к изучению сельских поселений, что дает возможность проследить влияние конкретных условий на социальные и этнические процессы.

Доклад А. Ю. Аписитиса (Рига) был посвящен выяснению отношения современного латышского населения к проживанию на хуторах и в поселках в связи с ведущимся в республике переселением сельских жителей с хуторов в поселки.

Л. А. Тульцева (Москва) в докладе «К вопросу об изучении религиозности городского населения» показала некоторые тенденции в бытовании религиозных форм поведения среди городского населения на сравнительных материалах этносоциологического исследования в Молдавии и Грузии.

В работе секции «Фольклор и народное искусство» участвовало более 30 человек. 17 докладов, заслушанных на трех заседаниях секции, охватывали значительный круг вопросов. Это современное состояние народного поэтического творчества, судьбы традиционного фольклора, обрядов, история фольклористики и др.

В докладе Н. И. Савушкиной (Москва) «Фольклорные традиции на р. Вычегде» говорилось об итогах экспедиции МГУ 1973 г. в Ленский район Архангельской области. Докладчица подчеркнула, что сравнение записей Н. Ордина, сделанных в 70—80-х годах XIX в., с материалами, собранными экспедицией МГУ, показывает наибольшую распространенность, устойчивость и общность сюжетов с соседними Вычегде районами хороводных, плясовых песен, колядок, некоторых свадебных и протяжных лирических песен. Частушки в последнее десятилетие вышли из моды. Активно бытуют произведения детского фольклора (присказки, прибаутки, загадки).

Работе Могилевской южной фольклорной экспедиции Института искусствоведения, этнографии и фольклора АН БССР был посвящен доклад К. П. Кабашникова (Минск) «Современное состояние белорусского устно-поэтического творчества в свете данных фольклорной экспедиции 1973 г.». В обследованных районах широкое распространение получили обрядовые песни весеннего цикла, жатвенные и семейно-обрядовые. Записаны были также варианты традиционных песен, исполнявшихся во время Великой Отечественной войны как партизанские. В настоящее время они воспринимаются слушателями именно в этом качестве.

О широком использовании традиционных фольклорных произведений в современном свадебном обряде белорусов говорил А. С. Федосик (Минск). Однако, как отметил докладчик, функции традиционного фольклора изменились: тесная прежде взаимосвязь свадебного обряда и песни ослабела, преобладающей стала художественно-эстетическая функция фольклора.

Современному состоянию фольклора сету, народности, живущей в юго-восточной части Эстонии и частично в Псковской области, был посвящен доклад К. Салве (Тарту). Фольклорные экспедиции последних лет сделали у сету свыше 800 звукозаписей (песни, сказки и др.), провели киносъемки игр, танцев, обрядов. Как сообщила докладчица, среди сету до сих пор сохранились древние рунические песни, забытые в большинстве других районов Эстонии, и старинные обрядовые песни.

Второе заседание секции было посвящено традиционному и современному народному искусству. На нем были заслушаны доклады Н. В. Мальцева (Ленинград) «Народное искусство Коношского района Архангельской области», Н. Т. Климовой (Москва) «Народный костюм Горьковской области», И. Я. Богуславской (Ленинград) «О художественном своеобразии тульской глиняной игрушки», В. А. Гудака (Львов) «Искусство гончаров Винницкой области». С. В. Савина (Львов) «Художественная обработка дерева в народном строительстве в Полесских районах Украины», А. А. Трофимовой «Композиция узоров Чувакской вышивки».

С. Б. Рождественская (Москва) в докладе «Декор жилища южнорусских областей и Поволжья» отметила существование нескольких линий в развитии декора сельского жилища названных районов. Первая линия — сохранение в декоре традиционных элементов, вторая — возникновение в нем новых элементов, третья — взаимовлияние декора городского и сельского жилища, четвертая — влияние на декор в этих районах художественных традиций народов Поволжья, в частности, татар.

На третьем заседании были заслушаны доклады Р. С. Липец (Москва) и М. А. Вавиловой (Вологда) о значении объединения фондов отдельных крупных собирателей, хранящихся в разных архивах, и о методике подготовки их к изданию

(на примере фольклорно-этнографического наследия И. В. Костоловского и М. Едемского).

На трех заседаниях антропологической секции было прочитано 16 докладов, отражавших исследования последних лет в области этнической антропологии.

В докладе В. В. Бунака и Т. Л. Никифоровой (Москва) была дана предварительная характеристика потомков немецких колонистов в Алтайском крае по демографическим, соматическим и другим признакам, а также рассмотрен вопрос о соотношении консангинности и межпопуляционной изменчивости.

А. П. Пестряков (Москва) в докладе «Антропологическое исследование юго-востока Средней Азии» на основе данных о 18 группах современного населения Таджикистана и Узбекистана выделил два варианта расы Среднеазиатского междуречья — «северный» и «южный».

Четыре доклада были посвящены серологическим исследованиям. Ю. Д. Беневоленская (Ленинград) в докладе «О группах крови потомков западноевропейских колонистов в Алтайском крае» выявила специфику исследованной группы, заключающуюся в тенденции к изогаметации, которая прослеживается по системам ABO, MN и Rhesus. А. А. Воронцов (Москва) в докладе «Геногеография систем сбалансированного полиморфизма на территории СССР» рассказал об исследовании важных ферментативных систем человека и геногеографии некоторых патологий на территории ряда районов СССР. А. Исмагулов (Алма-Ата) в докладе «Серологические исследования среди казахов» изложил результаты многолетнего исследования современных казахов, подтверждающие промежуточное положение их между европеоидной и монголоидной большими расами по ряду серологических систем. А. И. Микulich (Минск) сделал доклад «Сывороточный антиген Gm(I) у белорусов Восточного Полесья». На обширном поле-вом материале он обнаружил аналогии в частоте признака у белорусов Восточного Полесья, поляков, болгар, русских, т. е. у представителей славянских народов.

Одонтологическая проблематика рассматривалась в докладах Н. И. Халдеевой (Москва) «Одонтологические исследования на Дальнем Востоке», Ю. Н. Ушакова (Киев) «К стоматологической заболеваемости древнего и средневекового населения территории УССР», Н. М. Рудь (Москва) «К антропологии сельского населения Волжской Болгарии (по материалам раскопок 1972 г. Измерского могильника XI—XIII вв. в Татарской АССР, Куйбышевский район)», Т. С. Сурниной (Москва) «К вопросу о тавродонтизме». Н. И. Халдеева впервые провела одонтологические исследования в аборигенных группах населения на Дальнем Востоке. Она отметила мозаичность распределения одонтологических признаков в изученных группах, среди которых эвенки и удэгейцы отмечаются своеобразным комплексом. Ю. Н. Ушаков рассмотрел вопрос патологии зубной системы за период от неолита до позднего средневековья и констатировал ее нарастание. Н. М. Рудь, проведя комплексное (краниологическое и одонтологическое) изучение материалов могильника, пришла к выводу о наличии особого одонтологического комплекса, сочетающего признаки восточного и западного расовых стволов. Т. С. Сурнина, исследуя асимметрию распределения вариантов морфологического строения пульповой камеры зубов человека, попыталась установить критерий диагностики тавродонтизма.

Темой доклада Г. М. Давыдовой (Москва) «Изменения популяционной структуры сосывинских манси за последние десятилетия» послужили антропологические генетико-популяционные исследования среди трех групп манси. Докладчица выделила три популяции по величине брачного круга, констатировала полное изживание фратриальной системы браков и заметное сокращение генофонда по сравнению с XVIII в.

В докладе Л. И. Тегако (Минск) «Антропологический состав населения Поозерья и этносоциальные закономерности его формирования» рассматривались демографические показатели в свете современных этнических процессов и динамика межнациональных браков на территории Белоруссии.

Четыре доклада были посвящены палеоантропологическим и краниологическим исследованиям. Н. Н. Мамонтова (Москва) в докладе «Палеоантропологические данные с территории МНР» четко разделяет краниологические типы населения Восточной и Западной Монголии. А. Б. Радзюк (Ленинград) прочитала доклад «Рентгено-морфологические исследования территориальных вариаций внутреннего строения длинных костей». В результате проведенного ею исследования в различных этнических группах со-

временного населения установлено тождество в толщине кортикального слоя кости.

Р. М. Касимова (Баку) в докладе «Новые антропологические данные к этногенезу азербайджанского народа» затронула вопрос о влиянии формы национальной костьбели на формирование черепа. В докладе С. И. Круц (Киев) «Антропологические особенности населения поздней бронзы территории Украины» отмечалась однородность антропологического состава населения Украины в эту эпоху.

В работе секции приняло участие около 50 человек. Присутствовавшие с удовлетворением отметили комплексность и многоплановость проведенных в прошедшем полевом сезоне антропологических исследований.

Н. Г. Волкова, А. Е. Тер-Саркисянц

КОРОТКО ОБ ЭКСПЕДИЦИЯХ

В июле 1973 г. в Нейском районе Костромской области работал экспедиционный отряд фольклорно-этнографического кружка при Институте этнографии АН СССР (Ленинградское отделение). В кружке занимаются люди различных профессий, интересующиеся фольклором и этнографией. Руководила экспедицией научный сотрудник Института этнографии Г. Г. Шаповалова. Члены экспедиции собирали фольклорный материал для историко-этнографического атласа «Русские, том II. Обряды», над которым работает Восточнославянский сектор ИЭ АН СССР. Они обследовали 14 сел и деревень в радиусе 60 км от г. Нея.

Были сделаны 45 записей свадебных и 36 календарных обрядов, 76 свадебных причитаний, 3 похоронных плача, 13 окликаний Горя, 28 песен и др.

Особый интерес представляют записи «порошковых» песен, певшихся на вечеринках перед приходом парней, а также егорьевских и свадебных обрядов.

Во время экспедиции были сняты на фото- и киноплёнку некоторые исполнители и инсценировки отдельных моментов свадебного обряда.

Г. Г. Шаповалова

* * *

В июне 1973 г. сотрудники Львовского государственного института прикладного и декоративного искусства Ю. Ф. Лашук, С. В. Савин и И. В. Сторонянский выез-

жали в полесские районы Волынской и Ровенской областей с целью изучения приемов оформления народного жилища.

Обследовав села Рокитнянского, Сарненского, Дубровицкого, Зареченского, Старо-Выжевского и Камень-Каширского районов, участники экспедиции установили, что в наше время в оформлении жилых построек этих районов преобладают традиционные декоративные мотивы и решения. Некоторые приемы декоративного оформления в ряде случаев представляют несомненный художественный интерес. Украшаются чаще всего фронтоны хат, оконные наличники, крылечки («ганки»), карнизные доски, коньки крыш, ворота сараев и других подсобных помещений, а также калитки и ворота.

Приемы декоративного оформления в Волынской и Ровенской областях различны.

Так, в районах Ровенского Полесья вся плоскость фронтона украшается досчатым узором, в декоре оконных наличников преобладает глухая резьба геометрического характера. В районах же Волынского Полесья фронтоны обычно украшаются резными карнизными досками и наличником чердачного окна; оконные наличники, как правило, украшаются пропиленной резьбой барочных очертаний.

Участниками экспедиции сделано около 150 зарисовок и фотографий, которые в настоящее время хранятся в фондах кафедры проектирования интерьера и мебели.

С. В. Савин